

В.Д. Туктамышев

КОМПЕТЕНЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

общая характеристика
и арбитрабельность споров

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 347.998.72
ББК 67.410.14
Т81

Туктамышев Владислав Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

Рецензенты:

Скворцов Олег Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета;

Ермаков Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № ВНШ/25-ВД «Международный гражданский процесс, международный арбитраж и международное исполнительное производство в эпоху санкций (антисанкционный процесс)».

Туктамышев, Владислав Дмитриевич.

Т81 **Компетенция третейского суда : общая характеристика и арбитрабельность споров : [монография] / В. Д. Туктамышев. — Москва : Статут, 2025. — 264 с.**

ISBN 978-5-8354-2114-5 (в пер.)

Настоящая монография посвящена исследованию компетенции третейского суда. В работе рассматриваются общие вопросы компетенции третейского суда, вопросы арбитрабельности споров. Особое внимание уделяется условиям реализации компетенции третейского суда, в частности ключевым для международного гражданского процесса вопросам действия принципа *res judicata* в международном арбитраже и параллельных разбирательствах. В рамках работы сформировано целостное представление об арбитрабельности как виде подведомственности, рассмотрены ее критерии, проведен анализ арбитрабельности отдельных категорий юридических дел.

Данное издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также актуально для правотворческой и правоприменительной деятельности.

УДК 347.998.72
ББК 67.410.14

ISBN 978-5-8354-2114-5

© Туктамышев В. Д., 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена актуальной и значимой проблеме юридической науки и практики – компетенции третейского суда. Автор книги – Владислав Дмитриевич Туктамышев, выпускник Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Он окончил университет в 2020 г., после чего поступил в аспирантуру кафедры гражданского процесса УрГЮУ, где подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Третейское разбирательство является одним из древнейших способов разрешения споров. На всех этапах своего развития общество стремилось ограничить государственное вмешательство в область своего частного интереса, и арбитраж выполнял этот социальный запрос. Несмотря на первый взгляд на незначительное число дел, рассматриваемых в третейском разбирательстве, в текущих политических и экономических условиях, когда субъекты гражданского оборота утрачивают доверие к иностранным юрисдикционным органам, третейское разбирательство может стать основным способом разрешения трансграничных споров. Данная потребность предопределяет необходимость изучения вопроса функционирования механизма третейского разбирательства.

Несмотря на длительную историю развития третейского разбирательства и его научного осмысления, отдельные вопросы остаются не до конца решенными. К числу таких вопросов относится вопрос компетенции, в том числе ее пределов, которые определяются арбитрабельностью (подведомственностью). Кроме того, новые вызовы, влекущие появление ранее неизвестных правовых средств защиты прав и законных интересов участников оборота (к числу таковых возможно отнести антиисковые запреты), требуют своей оценки и имплементации в существующие процессуальные конструкции.

Несомненно, особый интерес у читателя вызовет рассмотрение условий допустимости третейского разбирательства, при анализе которых автор рассматривает «классические» проблемы международного гражданского процесса (действие правила *res judicata*, параллельные разбирательства и антиисковые запреты), анализируя их историче-

ское развитие и современное состояние, что позволило предложить адекватные подходы, в том числе в преломлении к третейскому разбирательству.

Использование выводов автора в законотворческой и правоприменительной деятельности способно оказать существенное влияние на совершенствование системы российского гражданского процесса, позволит учесть современные тенденции развития права и процесса, а также будет способствовать развитию процессуальной доктрины нашей страны как части мировой процессуальной науки.

*С уважением,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского
процесса УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева
В. В. Яков*

ВВЕДЕНИЕ

«Там, где кончаются споры, там кончается наука...»¹.

В. А. Мусин

Арбитраж (третейское разбирательство) имеет давнюю историю, являясь, пожалуй, самым древним институтом правосудия. Несмотря на многообразие государственных и негосударственных механизмов защиты прав и законных интересов, третейское разбирательство не утрачивает своей актуальности по сей день.

Еще Аристотель писал о преимуществе суда посредников, поскольку «посредник заботится о правде, а судья о законе»². В условиях перехода к частной собственности в постсоветскую эпоху развития нашей страны субъекты гражданского оборота все чаще обращаются к формам разрешения споров, позволяющим не только эффективно защитить их частный интерес, но и согласовать такую процедуру, которая будет удовлетворять их запросы.

Необходимость исследования арбитража также связана с рядом последних геополитических событий. С 24 февраля 2022 г. западными странами начата беспрецедентная экономическая война против Российской Федерации. Одним из инструментов этой войны является использование санкционных механизмов в политике, экономике (в том числе в валютно-финансовой сфере) и других сферах жизни общества. В сложившихся условиях добросовестные участники трансграничного гражданского оборота столкнулись с трудностями в реализации права на судебную защиту.

В ситуации существенного недоверия государств друг к другу и к национальному правосудию возникает необходимость обращения к лежащим за рамками государственной системы механизмам разрешения споров, к числу которых, несомненно, относится третейское разбирательство.

¹ Мусин В. А. Там, где кончаются споры, там кончается наука // Третейский суд. 2005. № 3. С. 6–8.

² Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. Кн. I. Гл. XIII.

В то же время сложно говорить об эффективности формы защиты прав и законных интересов в ситуации, когда компетенция юрисдикционного органа либо лица, наделенного юрисдикцией, остается неопределенной. Решение вопроса о компетенции первично по отношению к самому процессу, что требует исследования данного явления.

Надеемся, что обращение к данной книге поможет читателю наиболее полным образом сформировать представление о компетенции третейского суда.

Автор выражает благодарность своему Учителю за ценные комментарии в ходе подготовки данной книги, а также своей семье, без поддержки которой данная работа не состоялась бы.

ГЛАВА 1

КОМПЕТЕНЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

§ 1. Влияние учения о правовой природе третейского разбирательства на исследование компетенции третейского суда

Любое исследование должно быть построено на некоторых исходных посылах. Это помогает как выстроить наиболее целостное представление о рассматриваемом правовом явлении, так и организовать мышление субъекта, исследующего явление. Поэтому следует определить (1) правовую природу третейского суда и его место среди иных форм защиты прав и законных интересов; (2) установить теорию арбитража, в рамках которой возможно исследование компетенции.

1.1. Правовая природа третейского суда

Вопрос о природе третейского разбирательства является предметом как доктринальных, так и правоприменительных дискуссий. И это не случайно. Рассмотрение третейского разбирательства с той или иной позиции не только формирует представление о рассматриваемом явлении, но и определяет роль и функции публичной власти в организации общественных отношений.

Исторический срез позволяет заключить, что арбитраж является первой формой правосудия¹. Как указывали дореволюционные российские правоведы, зарождение правосудия имело место в деятельности общества с последующим санкционированием со стороны государства². Это подчеркивает и К. В. Арановский, указывая, что

¹ См. подробнее: *Волков А. Ф.* Торговые третейские суды. СПб., 1913. С. 1–49.

² См.: *Вицын А. И.* Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 2–4; *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 35–36.

«представление о правосудии как об институте неизменно государственного происхождения, вовлеченном в государство как его собственное дело или как «отрасль» государственной власти, не имеет ни исторического, ни актуального подтверждения»¹. Данное умозаключение следует поддержать.

Исторически именно третейское разбирательство было основной формой защиты прав и законных интересов. Лишь в процессе развития государственных институтов, централизации власти государство начинает присваивать себе изначально принадлежащие обществу функции осуществления правосудия. Между тем именно в частной системе разрешения споров происходило становление правовых средств, в то время как государство в ограниченном объеме санкционировало либо не санкционировало избранные участниками гражданского оборота варианты взаимодействия и удовлетворения взаимных интересов. Об этом нам позволяет судить ход развития римского гражданского процесса. Так, в римском легисакционном процессе (который являлся исторически первой формой процесса) роль государственной власти заканчивалась на стадии *in jure* и связывалась лишь с *litis contestatio*, в то время как деятельность на стадии *in iudicium* длительное время осуществляли избранные сторонами лица (арбитры)². Правосудие на этом этапе не ассоциировалось с реализацией государственной власти; оно являлось проявлением *res publicae* (власти общества).

Не вдаваясь в глубокий исторический анализ, стоит отметить, что третейское разбирательство не теряло своей актуальности на протяжении всего исторического развития общества, выступая формой разрешения споров в ситуациях, когда государственное правосудие было отстранено от данного рода деятельности³.

В настоящее время арбитраж относится к частной системе защиты прав и законных интересов. Конституционный Суд РФ не раз указывал, что третейский суд выступает в качестве института гражданского

¹ Мнение судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П.

² См. подробнее: Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. М.: Городец, 2018. 176 с.

³ Об истории развития третейского разбирательства см.: Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России: проблемные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 226 с.; Международный коммерческий арбитраж: учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров и др.; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018 (гл. 2).

общества, наделенного публично значимыми функциями¹. В данной характеристике верно отражен дуализм частных и публичных начал в организации и деятельности третейских судов.

Частноправовая система защиты прав и законных интересов выступает гарантом стабильности общества. В этой системе третейский суд занимает особое место, что связано как с процедурой третейского разбирательства, так и с ее результатом. Процедура рассмотрения споров в третейском суде, несмотря на диспозитивность в ее установлении и регулировании, должна обеспечивать минимальный набор процессуальных гарантий, которые позволят реализовать участнику гражданского оборота право на судебную защиту, а результат в свою очередь является не компромиссом сторон, а властным приказом избранного сторонами лица относительно спорного правоотношения.

Такой дуализм в деятельности третейских судов вызывает спорную постановку вопроса о том, осуществляет ли третейский суд правосудие.

Вопрос о понятии правосудия неоднократно становился предметом дискуссий в процессуальном праве². Исходные позиции, от которых отталкивались приверженцы того или иного подхода, сводились либо к ценности процессуальной формы при разрешении дел в государственных судах, либо к оценке социального результата деятельности.

В этом плане выделяется подход в понимании правосудия, который предлагает С. К. Загайнова, делая акцент не на процессуальной форме, а на социально значимом результате данного вида деятельности³.

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т. В. Солодовниковой».

² См.: *Авдюков М. Г.* Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.; *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 192 с.; *Семенов В. М.* Суд и правосудие в СССР: учебник. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.; *Чечина Н. А.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 656 с.; *Чечот Д. М.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. 616 с.

³ *Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 29–57.

Однако вряд ли можно согласиться с позицией автора об ограничении пределов правосудия исключительно государственной системой.

Государство, выступая гарантом правопорядка в общественных отношениях на территории, на которую распространяется его суверенитет, заинтересовано в стабильности общественных отношений. Между тем такая стабильность достигается отнюдь не только государственными механизмами, но и иными правовыми средствами.

Субъекты гражданского оборота, будучи не меньшими интересантами в стабильном функционировании общества, формируют ряд иных форм преодоления правовой неопределенности в возникающих отношениях. Для правопорядка такие правовые средства играют не меньшую роль в его поддержании, следовательно, нет оснований ставить их в подчинение государственным формам либо устанавливать различия в последствиях обращения к той или иной форме. Поэтому не видится концептуальных препятствий в признании за частными формами того же правового эффекта, как и за государственными формами преодоления правовой неопределенности¹.

При ином подходе неясна роль частных форм защиты прав и законных интересов, коль скоро такая деятельность по каким-то параметрам признается менее значимой и результативной. Однако же как и государственное правосудие, так и частное как результирующая деятельность преследует один социальный результат — преодоление правовой неопределенности.

Поэтому третейский суд, выступая органом, который разрешает споры и обеспечивает требуемый социальный результат — восстановление нормального хода общественных отношений, несомненно, осуществляет правосудие. При ином подходе отрицается социальная ценность данного инструмента.

Безусловно, государство далеко не всегда всецело доверяло осуществление тех или иных функций обществу, что выражалось в запрете либо в существенном ограничении третейских судов. Такие тенденции имеют место и в настоящее время. Однако допущение третейского разбирательства с одновременным отрицанием правосудного характера деятельности арбитров представляется спорным, поскольку тем самым умаляется авторитет третейского суда, создается примат решения

¹ Такой подход открывает дорогу также к типологизации правового регулирования форм защиты прав и законных интересов и использования по отношению к ним конструкций, сформированных применительно к государственному правосудию (подведомственность, процессуальная форма, свойства правореализационных актов и т. д.).

государственного суда над решением состава арбитража. Тем самым дискредитируется третейское разбирательство в глазах общества.

Далее следует ответить на вопрос о юрисдикционном характере деятельности третейского суда. Однозначного подхода здесь также нет. Так, В. Н. Ануров полагает, что в понятии юрисдикции акцент делается на деятельности государственных органов правосудия¹. Между тем ряд авторов не отрицают юрисдикционный характер деятельности арбитров².

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания понятия юрисдикции, стоит отметить следующее. Юрисдикция выражается в суждении субъекта, ее реализующего, о праве. При этом такое суждение должно носить не сугубо консультационный, а окончательный характер. Судить о праве лица можно лишь в ходе правоприменительной деятельности, поскольку для установления права необходимо установить обстоятельства, входящие в гипотезу нормативного предписания. В то же время без властного характера правоприменительная деятельность обесценивается. Соответственно, юрисдикционной деятельности присущ властный характер.

Поскольку деятельность третейского суда — это деятельность по властному разрешению спора, то она является юрисдикционной. Определяя деятельность третейского суда как неюрисдикционную, приходится отказывать в доверии гражданскому обществу, а также показывать его несостоятельность в сфере разрешения возникающих споров и конфликтов.

Отличие же от государственного правосудия заключается лишь в том, что наряду с *jurisdictio* государство также обладает *imperium* (монополия на насилие, т. е. принудительное исполнение правореализационного акта).

Таким образом, третейский суд представляет собой юрисдикционный орган, осуществляющий правосудие.

1.2. Теории арбитража и их влияние на исследование компетенции

Несмотря на продолжительное исследование третейского разбирательства в отечественной и зарубежной доктрине, единства взглядов

¹ Ануров В. Н. Компетенция третейского суда. Допустимость иска: в 3 т. Т. 1. М.: Проспект, 2021. С. 43.

² Косцов В. Н. Немонетарные способы правовой защиты в международном арбитраже: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 33.

относительно его правовой природы не сформировалось до настоящего момента¹.

Таким образом, следует проанализировать существующие теории для оценки их познавательного потенциала к исследованию третейского разбирательства.

Исторически первой теорией арбитража является договорная (консенсуальная) теория, восходящая еще к римской юриспруденции. В Древнем Риме основанием для деятельности арбитров выступали частноправовые соглашения (*compromissum*), предметом одного из которых выступало обязательство арбитров разрешить спор между сторонами, а предметом второго — обязательство сторон подчиниться решению арбитра как обязательному. Новый виток развития договорной теории в правовой мысли связывается с именем прокурора французского Кассационного суда Ф. Мерлена².

В рамках договорной теории сформировалось два основных направления. К первому относятся те, кто полагает, что арбитражное решение является мировым соглашением. Однако недостатки данной теории обозначил еще А. Ф. Волков, писавший, что «у третейского договора отсутствует тот существенный для мировой сделки момент, что новое договорное постановление является следствием взаимных уступок»³.

Вторая группа авторов рассматривает арбитраж как особого рода гражданско-правовую сделку, влекущую в том числе обязанность подчиниться решению, принятому арбитражем⁴. С. Н. Лебедев отмечает, что арбитражное соглашение и арбитражное решение рассматриваются как две части единого договора — договора об арбитраже⁵.

¹ Анализ теорий арбитража в последнее время проводили, в частности, О. Ю. Скворцов (Скворцов О. Ю. Дискуссии о правовой природе арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 2 (15). С. 55–66), С. А. Курочкин (Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. С. 34–44).

² Кейлин А. Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 3: Арбитраж. М.: Внешторгиздат, 1961. С. 50.

³ Волков А. Ф. Торговые третейские суды: историко-догматическое исследование. СПб.: Тип. Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. С. 89.

⁴ При этом отмечается, что арбитражное соглашение является договором особого рода и его отождествление с иными гражданско-правовыми договорами носит радикальный характер (см.: Ануров В. Н. Третейское соглашение: монография. М.: Проект, 2009. С. 22).

⁵ Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву. М.: Статут, 2009. С. 62–63.

В свете данной теории следует говорить о том, что отношения между сторонами являются гражданско-правовыми, в рамках которых стороны берут на себя обязательство передать юридическое дело в арбитраж в случае возникновения спора, а также обязательство исполнить решение арбитража¹. При этом единство статута арбитража обеспечивается тем, что все стадии арбитража, начиная с заключения третейского соглашения и заканчивая принятием арбитражного решения, являются звеньями единого процесса².

Данная теория позволяет рассматривать арбитражное соглашение и арбитражное решение как сделку и, соответственно, применять к ним правила недействительности, установленные гражданским законодательством³. Также применительно к международному арбитражу она позволяет обосновать возможность коллизионной привязки к арбитражной процедуре.

Между тем данная теория по своим ключевым положениям не безупречна.

Во-первых, гражданско-правовой договор (как разновидность гражданско-правовой сделки) есть соглашение сторон, направленное на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако арбитражное соглашение направлено на создание процессуальных последствий в форме исключения рассмотрения конкретного спора из юрисдикции государственного суда, следовательно, говорить о материально-правовой природе ошибочно.

Во-вторых, ключевой характеристикой гражданско-правового договора является единство воли сторон в отношении правовых по-

¹ Между тем не решен окончательно вопрос о том, какого рода гражданские отношения положены в основу данного вида договора. Так, отношения между сторонами спора и арбитром рассматриваются в доктрине как агентские отношения (Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации». М.: Статут, 2015. С. 26–47), как мировое соглашение (*Волков А. Ф.* Торговые третейские суды: историко-догматическое исследование. С. 114–115), как отношения представительства (*Ануров В. Н.* Компетенция третейского суда. Допустимость иска: в 3 т. Т. 1. М.: Проспект, 2021. С. 23), как новация (*Haeger W.* Schiedsgerichte für Rechtsstreitigkeiten der Handelswelt. Berlin, 1910. 465 p.) и т. д.

² *Луц Л. А., Марышева Н. И.* Курс международного частного права: в 3 т. Т. 3: Международный гражданский процесс. М.: Юрид. лит., 1976. С. 217.

³ Ранее в российской правоприменительной практике встречались такие решения (например, Постановление ФАС Уральского округа от 06.07.2009 № Ф09-10330/08-С5 по делу № А60-6771/2008-СР).

следствий, им порождаемых¹. Однако единство воли в арбитражном соглашении заканчивается на условии о передаче спора на разрешение в арбитраж. Следует согласиться с Л. А. Лунцем и Н. И. Марышевой в той части, что в процедуре² и арбитражном решении единства воли сторон уже не имеется³, поскольку решение принимается назначенным арбитром без учета воли сторон, а основываясь на исследованных обстоятельствах дела и применимых нормах права⁴.

В-третьих, в рамках договорной теории отсутствуют основания для наделения третейского решения свойствами, следующими из *jurisdictio*, что ставит как третейское решение, так и волю сторон в полную зависимость от решения государственного суда, поскольку арбитражное решение воспринимается как гражданско-правовая сделка.

Как отмечает Г. В. Севастьянов, применение к третейскому соглашению режима гражданско-правового договора открывает возможности для обжалования его действительности в государственном суде, что фактически исключает действие такого принципа третейского разбирательства, как принцип «компетенции-компетенции»⁵.

Аргумент сторонников данной теории о необходимости определения применимого права также представляется спорным, поскольку в международном гражданском процессе существуют свои коллизийные привязки, которые в силу характера процессуального правоотношения не относятся к материально-правовым.

В противовес договорной теории в доктрине арбитража сформировалась процессуальная (юрисдикционная) теория, основной

¹ На необходимость совпадения воли с результатом процесса указывалось в доктрине гражданского права (см.: *Егоров Ю. П.* Воля и ее изъяснение в сделках // *Законодательство*. 2004. № 10. С. 53–58).

² Хотя относительно процедуры имеет место дискуссионность данного вывода, так как исключить основные процессуальные гарантии (минимальные стандарты правосудия) своим соглашением стороны не могут.

³ *Луц Л. А., Марышева Н. И.* Курс международного частного права: в 3 т. Т. 3: Международный гражданский процесс. С. 218.

⁴ Решение на согласованных условиях между тем не противоречит данному выводу ввиду следующего. Решением на согласованных условиях в силу положений ст. 33 Закона об арбитраже, § 41 Регламента МКАС является решение, которым стороны урегулируют спор до момента окончания рассмотрения дела в арбитраже. Исходя из наименования ст. 33 и характеристики такого решения следует заключить, что оно фактически является мировым соглашением, в котором в свою очередь воля сторон играет ключевую роль (мировое соглашение есть гражданско-правовая сделка).

⁵ *Севастьянов Г. В.* Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 56.

постулат которой гласит, что арбитражное соглашение порождает единственный правовой эффект, связанный с исключением спора из компетенции государственного суда и его передачей в третейский суд. При этом деятельность третейского судьи по своей форме схожа с процессуальной формой, в которой реализуется деятельность государственного судьи¹.

Оппоненты процессуальной теории третейского разбирательства отмечают не свойственное арбитражному договору публично-процессуальное содержание. *Compromissum* (третейское соглашение) не является ни публичным договором вообще, ни процессуальным договором в частности, поскольку не может породить публичное правоотношение и не направлен на процессуальные последствия (на замещение процессуального положения стороны и возбуждение третейского разбирательства)².

Между тем на данные аргументы справедливо замечают, что арбитражное соглашение лишь предоставляет арбитрам полномочия, в то время как если они предоставлены, то влияние сторон ограничивается, а состав арбитража действует самостоятельно и независимо³.

Разграничение данной теории с договорной заключается в том, что в консенсуальной теории имеет место *compromissum sub poena*, в то время как юрисдикционная теория рассматривает арбитражное решение как акт, не зависящий от усмотрения сторон («акт юрисдикции»)⁴, соответственно, во главу угла ставятся процессуальные элементы. Справедливо замечание о том, что использование в доктрине и практике арбитража терминов, выработанных процессуальным законодательством, не меняет правовую природу третейского суда⁵.

Представляется, что данная теория наиболее полно позволяет объяснить деятельность состава арбитража при проведении третейского разбирательства. Правоприменительная деятельность третейского суда

¹ Международный коммерческий арбитраж: учебник (гл. 3) // СПС «Консультант-Плюс».

² Новиков Е. Ю. Третейское разбирательство споров, подведомственных судам общей юрисдикции: проблемы нормативного регулирования // Актуальные проблемы гражданского процесса: сб. статей в честь юбилея д-ра юрид. наук, проф., заслуж. работника высш. шк. РФ Н. А. Чечиной / под ред. В. А. Мусина. СПб., 2002. С. 195.

³ Pillet A. Traité pratique de droit international privé. Т. II. Paris, 1924. Р. 45.

⁴ Ануфриева Л. П. Международное частное право: учебник [в 3 т.]. Т. 3: Трансграничные банкротства. М.: Изд-во «БЕК», 2001. С. 323.

⁵ Гольский Д. Г. Признание и приведение в исполнение арбитражных решений, отмененных судом места их вынесения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 19.